

УДК 821.111(73)-32+929[Беллоу+Троцкий]

Образ Троцкого в творчестве Сола Беллоу: диалектика реального и вымышленного

М. К. Бронич

Бронич Марина Карповна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, mbronich@rambler.ru

В статье исследуется проблема взаимодействия биографического, исторического и художественного в раннем творчестве С. Беллоу. В связи с образом Троцкого, к которому настойчиво возвращается автор в своих книгах, рассмотрены различные формы претворения факта в литературное произведение: рассказ в рассказе, принцип контрапунктического построения произведения, подчеркнуто субъективное восприятие исторического события.

Ключевые слова: Сол Беллоу, Троцкий, рассказ в рассказе, контрапунктическое построение произведения, исторический метарассказ.

The Image of Trotsky in Saul Bellow's Works: The Dialectical Fabric of Fact and Fiction

М. К. Bronich

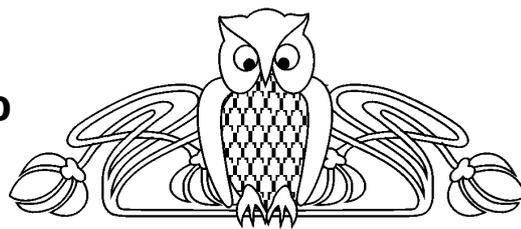
Marina K. Bronich, <https://orcid.org/0000-0003-1231-6689>, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minin Str., Nizhny Novgorod 603155, mbronich@rambler.ru

The paper explores the correlation between biography, history and fiction in Saul Bellow's early works. Regarding the image of Trotsky that persistently appears in his books, the presented analysis identifies a range of narrative devices that help transpose fact into fiction, such as framing (story inside a story), counterpoint construction, and deliberately subjective perception of historical events.

Keywords: Saul Bellow, Trotsky, framing, counterpoint construction, historical metanarrative.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-84-87>

Сол Беллоу принадлежал к поколению писателей, которые вошли в американскую литературу в середине XX в.: Норман Мейлер и Бернард Маламуд, Уильям Стайрон и Мэри Маккарти, Джером Сэлинджер и Джон Апдайк. Начинал он с сотрудничества с журналом «Партизан ревю», который в эти годы был связующим звеном между американской и европейской интеллигенцией. Успех журнала с левым уклоном, в котором царил дух свободомыслия и космополитизма, определялся, по словам М. Шехнера, «упрямой приверженностью его редакторов двойственной позиции», соединявшей троцкизм с модернизмом¹. Общее направление журнала, в котором

Беллоу познакомился с Эдмундом Уилсоном, Филипом Равом, Дуайтом Макдональдом и другими законодателями современной американской литературы, в полной мере соответствовало его жизненной позиции, принципиальной бессистемности его мировоззрения, устремленности к «концу идеологии», возвещенной десятилетием позже знаменитой одноименной книгой Д. Белла, в которой автор, констатируя истощение левых идей и политических течений, в частности марксизма, явно устаревшего для описания социально-политического опыта современной Америки, утверждал либеральную приверженность умеренному социальному реформизму, свободному рынку и индивидуальным гражданским свободам. К этому времени иссякает увлечение Беллоу марксизмом, которое, как замечает биограф писателя Дж. Этлас, было естественным в среде иммигрантов из России².

Характер восприятия Советской России в контексте увлечения левой идеологией американскими интеллектуалами 1930-х гг. точно схвачен и запечатлен писателем в романе «Дар Гумбольдта» («Humboldt's Gift», 1975): «Нью-Йорк тогда был очень русским городом, поэтому повсюду была Россия. Это был тот самый случай, когда, как говаривал Лайонел Абель, метрополия стремилась принадлежать другой стране. Нью-Йорк мечтал оставить Северную Америку и слиться с Советской Россией. Гумбольдт легко переходил в разговоре от Бейба Рута к Розе Люксембург, Беле Куну и Ленину. То и дело он давал мне понять, что если я сейчас же не прочту Троцкого, то буду недостоин беседовать с ним. Гумбольдт рассказал мне о Зиновьеве, Каменеве, Бухарине, о Смольном институте, о шахтинском деле, о московских процессах, книге Сидни Хука «От Гегеля до Маркса» и о ленинском «Государстве и революции». Он явно сравнивал себя с Лениным»³.

Особенно популярными левые радикальные идеи были в Чикаго, городе детства и юности писателя. В школе Беллоу и его друга Исаака Розенфельда даже называли Зиновьев и Каменев. Они были членами Социалистического клуба и помогали в издании журнала «Трибуна» («Soarbox»), выходившего под девизом, заимствованного из сетований У. Р. Херста: «Красный радикализм установил трибуну в каждом образовательном учреждении Америки»⁴. Беллоу, как и большинство его однокашников, был вовлечен в политические дискуссии между троцкистами Молодежной лиги

спартаковцев и сталинистами Американского студенческого союза. Он примыкал к троцкистам и полвека спустя вспоминал: «По какой-то причине Троцкий накрепко завладел многими умами в целом ряде городов Америки, в том числе и в Чикаго. Его книга “История Революции” читалась как откровение»⁵. В немногих опубликованных письмах 1930-х гг. Беллоу мелькает имя Троцкого, обсуждаются проблемы раскола троцкистской Социалистической рабочей партии после пакта Молотова – Риббентропа и идет переоценка принципов большевизма⁶.

Но на протяжении всей жизни Беллоу оставался дружен с убежденным троцкистом Альбертом Глотцером, основоположником троцкистского движения в США, одно время телохранителем Троцкого, а затем и автором опубликованных в 1989 г. мемуаров о нем (Trotsky: Memoir and Critique. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1989.), которые писатель с восторгом и наслаждением читал, узнавая неизвестные ему подробности жизни великого человека. В письме Глотцеру по поводу его книги Беллоу рассказывает о своей несостоявшейся встрече с Троцким: «Летом 1940 года нам с Гербертом Пассином была назначена встреча с Троцким, но когда мы приехали к нему из Таско, то узнали, что кто-то ударил его по голове и его срочно отвезли в больницу. Мы сразу же туда поехали, предстали репортерами, и нас отвели в палату, где лежал уже мертвый Троцкий в окровавленном тюрбане из бинтов и с переливчатыми подтеками йода на лице»⁷. О значимости этого эпизода в биографии писателя свидетельствуют его неоднократные обыгрывания в художественных текстах. У Сола Беллоу личное, биографическое и творческое почти неразличимо. Он был убежден, что творчество писателя питается жизнью и личным опытом, прежде всего эмоциональным и психическим, теми «истинными впечатлениями» («true impressions»), о которых говорил Беллоу в своей Нобелевской лекции⁸.

Уже в одном из первых рассказов «Мексиканский генерал» (1942), напечатанном в «Партизан Ревью», доминирует мысль о психическом опыте как важнейшей реальности. Здесь проблема непосредственного опыта и его интерпретации, превращения в умозрение, в данном случае в исторический метарассказ, решается на композиционном уровне: рассказ в рассказе. Центральное событие – убийство Троцкого, о котором в мельчайших подробностях рассказывает свидетель случившегося лейтенант Ситрон своему сослуживцу, такому же, как и он, телохранителю генерала тайной мексиканской полиции, сумевшему сделать из смерти известного политика и изгнанника ступеньку для своего возвышения и вхождения в историю, чтобы стать «видным историческим деятелем»⁹. Рассказ лейтенанта мастерски вплетается с сюжет «Мексиканского генерала», который сводится к помпезному прибытию заглавного героя в сопровождении своих

телохранителей и трех «племянниц» в гостиницу города Патцкуаро, обеде, прогулке и отходу ко сну с одной из «племянниц». Все «сценические» персонажи рассказа, сколь скромное место они ни занимают в повествовании, наделены субъективностью, особым внутренним миром. Каждый из них стремится по-своему осмыслить себя и мир, отстоять правоту своего понимания событий. Беллоу вводит «множественность точек зрения» и использует принцип контрапунктического построения произведения, основанного на сосуществовании параллелизма и противопоставления важнейших элементов текста. Генерал, мелкий политикан в глазах истории (а здесь присутствует и некая «объективная» точка зрения истории), занятый пустяжными интрижками со своими «племянницами», противопоставлен исторической фигуре Троцкого. Поначалу в центре повествования оказывается путешествующий генерал, занимающий лучшие апартаменты в гостинице; все прочие персонажи, казалось бы, существуют на периферии событий, исполняя вспомогательную роль. Но по мере развертывания рассказа Ситрон о гибели Старика, прерываемого генеральскими распоряжениями по поводу распорядка дня, фокус смещается к Троцкому, и в финале важный генерал выглядит совершенно частным, периферийным лицом, стареющим греховодником.

События в рассказе лейтенанта соотнесены с пространственными перемещениями генерала, осматривающего местные достопримечательности. Выстраиваются иронические параллели: в то время как генерала и его «женскую свиту» сопровождают из церкви, Ситрон рассказывает о том, как сопровождали жену Троцкого в больницу; осмотр исторических памятников генералом, завершающийся покупкой сувениров, напрямую сравнивается с демонстрацией тела убитого Троцкого толпе журналистов, которые, по словам лейтенанта, подобно «собирателям древностей вырывали бы на память себе его сердце, если бы мы не вмешались»¹⁰.

История покушения на Старика и его смерть излагаются с достоверными подробностями, известными из судебного разбирательства по делу Рамона Меркадера, который в рассказе выглядит ничтожным и мелким по сравнению со своей жертвой. «Он сидел, всхлипывая, пока ему делали перевязку головы. Нам показали след от укуса на его руке, который он получил во время борьбы в кабинете... В моей практике бывали убийцы, которые вели себя и поприличней. Мне стало жалко “старика” (*veijo*). Он заслужил более мужественного врага»¹¹. А обстоятельства, связанные с прибытием рассказчика в свиту генерала в Кайоакан, носят отчасти автобиографический характер: он, так же как и Беллоу, оказывается в доме Троцкого слишком поздно, но, в отличие от писателя, застаёт его еще в живых. И то, что видит рассказчик, представляет собой, соответственно, несколько измененную, но узнаваемую

(по более поздним воспоминаниям автора) картину, развернувшуюся перед потрясенным Беллоу: «Его лицо, единственное, что было видно между колпаком из бинтов и покрывалом, казалось уже мертвым. От виска к бороде спускались две полоски крови»¹².

Историческое событие изображается не непосредственно, а преломленным через сознание или сознания персонажей. Главное заключается в осмыслении влияния события на внутренний мир человека. В фокусе внимания оказывается субъективный опыт, который и предстает как истина. Иронические обертоны в рассказе Ситрона высвечивают для его собеседника Пако, для читателя и для него самого проблематичность значительности исторической личности. Но если в «Мексиканском генерале» образ поверженного Троцкого еще в определенной мере несет в себе черты величия, то в романе «Приключения Оги Марча» (1953) он всего лишь марионетка, управляемый своими охранниками.

Третий роман Беллоу обращен к теме власти истории над человеком, из-под которой он пытается вырваться, и насыщен не только многочисленными яркими приметами быта и нравов 1920–1940-х гг., но и аллюзиями на исторические события и лица, среди которых особое место занимает Троцкий.

Написанный от первого лица роман напоминает, по словам писателя, «спираль, которая берет начало в приходе, в гетто, в трущобах и затем раскручивается, охватывая все новые пространства жизни, выводя фигуру Оги на первый план за счет умножения действующих вокруг него лиц и усложнения жизненного опыта»¹³. На всех этапах своего непростого жизненного пути Оги принципиально не желает включаться в исторический процесс, по мере сил отстраняясь от влияния назойливо «формирующих» его личность «макиавеллистов». Так герой называет тех, кто пытается приобщить его к философии силы и эгоизма как единственного средства устроить свою судьбу. Сам же Оги предпочитает радости любви на лоне природы вовлеченности в современную социальную жизнь. Однако бегство от цивилизации – путешествие с возлюбленной Теей в Мексику – оказывается иллюзией. История и здесь настигает Оги, предлагая соблазнительный вариант карьеры. Еще один «макиавеллист», старый чикагский знакомый Фрейзер уговаривает его в качестве прикрытия сопровождать в поездке самого Троцкого, преследуемого агентами ГПУ. Буффонная по своему характеру ситуация знаменует самое близкое приобщение героя к живой истории.

Живая история, в отличие от субъективного опыта, требует иных форм изображения. В мексиканском эпизоде романа Троцкий фигурирует дважды: как объект наблюдения рассказчика, который становится свидетелем его прибытия в Акальту в сопровождении свиты, и как предмет

для рефлексии после получения заманчивого предложения.

Встреча героя с Троцким *en direct* обставлена по всем законам дешевого триллера. Сначала тягучая скука *zocalo*, на которой по обыкновению бездельничал Оги, прерывается невероятным событием: к собору подкатывают дорогие, но порядком изношенные машины, и по тому, как из крайних появляются телохранители в кожаных куртках, нервно хватаясь за кобуру, становилось понятным, что в центральной машине находится какая-то важная персона. Псевдоторжественная церемония неожиданно сменяется откровенным фарсом. Дверь машины, у которой, по-видимому, сломана ручка, никак не открывается, все стоит в замешательстве, покуда «противоположную дверь с раздражением не откинули с железным стуком прочь от торцов старой обивки сидений и по-иностранным причесанным головам, очков и торчащих вперед бородок, скрывавшихся за прекрасно отполированными стеклами машины. Там и здесь виднелись портфели; мне показалось, от этих портфелей повеяло чем-то политическим»¹⁴. Фарсовая мизансцена уступает место искреннему потрясению героя, когда из машины неожиданно появляется узнаваемый по хорошо известным портретам и кадрам кинохроники человек, в чьем облике нарочито совмещаются подчеркнuto контрастные черты и характеристики. «Главный из них упругим рывком выбрался из машины; очень бодрый и энергичный, уверенный, с резкими движениями и острой бородкой. Не распыляя впустую внимания, он сразу принялся изучать фасад собора. На нем было короткое пальто с меховым воротником, большие очки; щеки были несколько рыхловаты, но это никак не умаляло того впечатления внешнего аскетизма, которое он производил. Глядя на него, я, по-настоящему потрясенный, осознал, что это, должно быть, Троцкий, приехавший из Мехико, тот самый великий русский изгнанник, и мои глаза расширились»¹⁵. Первым побуждением Оги было ринуться в собор, куда вошел в сопровождении своих охранников «великий человек», потому что, как ему казалось, приобщение к славному пути, по которому двигалась эта выдающаяся личность, позволило бы ему заглянуть в глубины величия, тем более значительное, что это величие в изгнании, по мысли героя, есть выражение высшей стойкости и мужества.

В дальнейшем Оги чуть было не оказывается вовлеченным в планы ближайшего окружения Троцкого, среди которого находятся его давние знакомые по Чикаго, намеревающиеся использовать его в своих химерических проектах защиты вождя мировой революции от происков ГПУ. Сама идея представляется герою безумной, потому что ее реализация требует изменения внешности Троцкого, т. е. отказа от привычного облика вождя, от символа, вошедшего в сознание его почитателей. И радости Оги нет предела, когда план

отвергается Стариком, к которому он проникается в связи с этим особой симпатией.

Именно здесь со всей очевидностью выявляется характер увлечения троцкизмом в иммигрантских кругах, к которым принадлежал и Оги, и сам автор романа. Троцкий выступает фигурой эмблематической, поэтому важна наглядно вещественная символика образа «великого человека»: очки, острая бородка, уверенные, резкие движения и проч. Он воспринимается как романтический герой, гонимый изгнанник, негибаемый борец за социалистические идеалы, которые за океаном вдохновляли студенческую молодежь на бесконечные политические споры, чтение и обсуждение «трудных» марксистских текстов, давали ощущение «напряженной духовной жизни и принадлежности к подлинно интеллектуальной элите»¹⁶, вовлеченности в важнейшие исторические события эпохи.

Однако на протяжении всей троцкистской интерлюдии мексиканского эпизода романа героя одолевают сомнения: а настолько ли это важно и необходимо быть приближенным к «гигантской исторической фигуре»¹⁷? И сомнения эти знаменательны. Роман об Оги Марче во многих отношениях был переломным в творчестве Беллоу, в нем оформился основной конфликт его последующих произведений – частного и общественного, а также приоритет внутреннего мира личности над внешней социальной жизнью. Поэтому Д. Фукс не случайно предлагает прочитывать «Приключения Оги Марча» «как авторское выражение определенного исторического момента, ревизионистской либеральной эпохи 50-х»¹⁸, когда бывшие кумиры леворадикальной юности отошли в прошлое

или превратились в устойчивые стереотипы, закрепленные в данном конкретном случае в шаблонной портретной характеристике Троцкого, акцентирование которых привносит в текст явно иронические интонации.

Примечания

- 1 Shechner M. Jewish Writers // Harvard Guide to Contemporary American Writing. Cambridge, 1979. P. 199.
- 2 См.: Atlas J. Bellow. A Biography. N. Y., 2000. P. 32.
- 3 Bellow S. Humboldt's Gift. N. Y., 1988. P. 12.
- 4 Atlas J. Op. cit. P. 40.
- 5 Bellow S. Letters / ed. by B. Taylor. N. Y., 2010. P. xix.
- 6 Ibid. P. 15.
- 7 Ibid. P. 471.
- 8 См.: Bellow S. It All Adds Up : From the Dim Past to the Uncertain Future : A Nonfiction Collection. N. Y., 1995. P. 96.
- 9 Bellow S. The Mexican General // Partisan Review. 1941. Vol. IX, № 3. P. 184.
- 10 Ibid. P. 193.
- 11 Ibid. P. 188.
- 12 Ibid. P. 190.
- 13 Bellow S. Letters. P. 102.
- 14 Bellow S. The Adventures of Augie March. N. Y., 1977. P. 417.
- 15 Ibid. P. 417.
- 16 Atlas J. Op. cit. P. 41.
- 17 Bellow S. The Adventures of Augie March. P. 465.
- 18 Fuchs D. Saul Bellow : Vision and Revision. Durham, N.C., 1984. P. 73.

Образец для цитирования:

Бронич М. К. Образ Троцкого в творчестве Сола Беллоу: диалектика реального и вымышленного // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 84–87. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-84-87>

Cite this article as:

Bronich M. K. The Image of Trotsky in Saul Bellow's Works: The Dialectical Fabric of Fact and Fiction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 84–87 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-84-87>